

«Раньше таких пожаров не было. А теперь горит каждый год, и по всей стране, по всей стране...»

Увидела сына, который в болотниках устало брел по воде, пересекая ключ наискосок, пожалела, что и он прожил жизнь не ахти какую, проищачил большую часть на лесовозе, разменял шестой десяток и остался без работы на старости лет — лесопункт закрыли. Рано начал лысеть — служил на подлодке, потому и женился, наверное, поздно: кто ж за лысого пойдет. Поздние дети... Один внук еще в школу ходит, а другой в армии. Кстати, как он там, надо спросить... И сейчас в машине, на обратном пути, она ему все расскажет. Будь что будет... Проклянет за испорченную жизнь — так проклянет! Промолчит — и на том спасибо.

Под гору мать нести было легче, да и рюкзак с ведрами не мешал. Он знал, что у матери рак и протянет она месяца два, может, три от силы. Так сказали в областной больнице, куда возил он ее в августе. Вот только из дома своего она ни в какую к нему перебраться не хочет, а нужен присмотр. Он подумал о жене, как там одна управилась со скотиной, и о том, что будет опять ворчать вечером, что зря сжег бензин, лучше бы съездил в райцентр, поговорил с военкомом. Чет-

вертый месяц нет весточки от Васьки, последняя была из Моздока. Ну уж второго — вы хрен заполучите! А еще — он не знал, как сказать матери о том, что он знает, что никакой он не Ковалев Илья Васильевич, а Нейман Илья Аронович. Получил он письмо из Израиля лет пятнадцать еще, и тамошние родственники его хотели бы увидеть. Присылают письма и вызов каждый год и просят поактивнее им отвечать. А может, махнуть к ним?... И примут ли там всех?... Какая, хрен, разница: там воюют, здесь воюют... Только вот про Ваську бабке пока ничего не надо говорить.

Уже смеркалось, когда они выбрались на заросший ус, где оставили машину. Усами в этих местах называют тупиковые съезды с основной лесовозной дороги. На небе появились первые звезды. С увала, на котором они были совсем недавно, послышался отдаленный рев. У изюбрей начинался гон.

Он усадил в кабину мать, проверил, хорошо ли закреплены ведра с ягодой, и посетовал, что зря не взял ружье, — а вдруг что встретится? Аккуратно, в несколько приемов, развернул машину на узком ус и посигналил на прощанье. «Когда еще здесь будем...» — пояснил удивленной матери и медленно тронулся. Колдобины и рытвины запорошило хвоей и листьями, ехать нужно было осторожно, и он включил дальний свет.

Владимир Гузий

Владимир Гузий из той породы людей, которые берутся за дело основательно и крепко. Приехав в Тынду в составе строительного отряда «Волгоградский комсомолец» в 1975 году, он влюбился в Дальневосточную землю. И она тоже ответила ему любовью. Да! Иначе не стал бы юный монтер-электрик известным не только на БАМе, но и в СССР поэтом. А еще он прозаик и художник, газетчик и тележурналист. Прошел пешком всю трассу «стройки века», взбирался на вершины Кодара, сплавлялся по горным порожистым рекам. Впрочем, прочитайте его стихи, и вы поймете сами, почему он стал в итоге почетным гражданином города Тынды.

***

Я ручей перепрыгнул и замер — там, где шел полминуты назад, в зыбком мареве перед глазами над поляной висел синий град.

Не гремело вокруг, не сверкало, небо было протяжно-светло, — просто облако плавать устало и на мягкие мхи прилегло.

И в застывшее это мгновенье, сам себя сознавая едва, я случайно увидел строенье неизвестного мне существа.

Миллиард дымно-сизых молекул не срывался с зеленых орбит и, в отличие от человека, был спокоен, означен, открыт.

Так паслись облака голубики. Здесь в июле всегда хорошо...

Где-то рядом слышались крики, — видно, кто-то за ягодой шел.

В НИЗОВЬЯХ ВЕРХНЕЙ АНГАРЫ

Мы пробираемся по старицам, протокам, заводям, озерам. И это устье, это таинство здесь почему-то кличут сором.

Да, есть и топи непролазные, коряги, гнус, осоки лезвия. Но можно видеть все по-разному: кому-то — сор, кому — поэзия.

Ведь над долиною бурлящею сверкают гранями хребты, без всяких слов, по-настоящему являя облик красоты.

По островам синют ирисы, кипрей в малиновом кипении. Попробуй словом вровень вырази воды, цветов и гор сплетение.

Но вдруг — сквозь долгие блуждания, шальные мысли, чувств развал — увидишь глубь, простор, сияние и только выдохнешь: Байкал!..

Какие сегодня накрыты поляны!
 Аж мари шатает
 от щедрых даров.
 И камни валяются,
 вдребезги, пьяно,
 среди разбредающихся
 стволов.
 Полощется облака
 праздничный вымпел,
 полотнища лиственниц
 хлещут ветра.
 Качается лес.
 Он, наверное, выпил.
 Он День урожая справляет с утра.
 Гуляют деревья.
 Гуляет округа —
 Раздольно, по-русски, гудяще, вразнос.
 Целуют друг друга
 и лупят друг друга,
 и сыпят монетами щедрых берез.
 А утром тот лес,
 поутихий, недикий,
 приложит к вискам
 из бочажины лед,
 отыщет по ернику
 горстку брусники
 и чистой водицей
 бруснику запьет.
 И глядя задумчиво
 в синие дали,
 куда ухромала к утру
 кутерьма,
 как всякий мужик,
 чешет грудь:
 «Погуляли...
 Но что-то не то.
 Что-то грустно.
 Эх-ма!»

ЧУКЧУДУ

Чукчуду означает — «вернуться по кругу».
 И точность эвенков несложно понять:
 то ли от шалости,
 то ль от испуга
 речушка к истокам подходит опять.

Она бы могла бы
 раздольно и просто
 пилить и пилить
 сквозь базальтов гряду,
 а тут изгибается знаком вопроса:
 «А может, неверной дорогой иду?»

К чему эти все
 миллионы терзаний?
 Ведь выйдет к простору,
 крути не крути.
 Но камни сомнений,
 столбы колебаний
 нагородила себе на пути.

На трассы прямые все время надеюсь,
 но к бурным порогам
 я снова приду.
 Куда же я денусь,
 куда же я денусь,
 если вся жизнь у меня —
 Чукчуду?

Живем романтикой таежной
 и доверяем всем вокруг.
 Поселок новый, молодежный, —
 здесь первый встречный —
 первый друг.

Пойдем за нами, житель новый,
 пускай ты вовсе незнаком.
 И не ворчи, что нет спиртного,
 по трассе всей — «сухой закон».

Вот на друзей красивых, дерзких,
 тебе, товарищ, повезло.
 И яблоч глянцевого, венгерского,
 у нас в авоське пять кило.

А для горячего напитка —
 две пачки чая, два котла.
 Но что за новость?...
 Да. Калитка...
 В поселке нашем?
 Ну дела!

Выходит, целый месяц зря я
 считал друзьями всех подряд?
 Нам здесь уже не доверяют?
 От нас заборы городят?

Вот нам и первая улитка
 на винограднике надежд.
 Вот нам и явная попытка
 отбить романтиков-невежд.

А ведь у нас богатств несметно:
 туманы, сопки, реки, даль...
 А тут, за шторкой, все конкретно:
 ковры, рубли, резной хрусталь.

Калитку прочную наладив,
 живи улиткой в закутке.
 Мы не пройдем.
 Спокойно, дядя!
 Твоя калитка на замке.
 А мы пойдем с друзьями в дымку
 по свежим травам и цветам,
 с гитарой доброю в обнимку
 и сеткой яблоч «джонатан».

ТАТАРНИК

Кометой косматой и взрывом вразлет,
 Пучками изломанных линий,
 По-дикому, сочно татарник цветет,
 Колючий, сиренево-синий.

Пространство собой заполняя подряд,
 Разлапился в небо без меры.
 Над степью как будто планеты парят,
 Все в синих шарах атмосферы.

Не каждый решится цвести у дорог,
 Где мечется пыль во всех видах.
 Вот розы и маки похожи на вдох,
 Но в чем-то быть должен и выдох.

Найдутся цветы подобнее на вид,
 У них ароматы получше.
 Но космос цветами галактик шумит,
 Размашистый,
 дикий,
 колючий.

ПИРОГ

В Кичере, вьюгой занесенной,
на перекрестке двух дорог
мне Слава встретился Аксенов.
Он на салазках вез пирог.

Вот это да! Скажи на милость —
какой размах! Какой размер!
Но как роскошно раскрутилась
спираль небесных грозных сфер!

Все разыгралось не на шутку.
Клубились силой молодой
и мех курчавый полушубка,
и пар над пышной бородой.

Как будто шло рождение мира:
мороз и космос, и туман,
и на салазках бригадира —
пирог, дымящий, как вулкан.

И возвышался мощно Слава
парящей, дышащей горой.
И жаркой, вязкой, черной лавой
блестел брусники тертой слой.

В нем гасли снежные заряды.
И объяснил Аксенов суть:
— Вернулась с просеки бригада,
решили малость отдохнуть.

Да, здесь нехилые ребята —
когда выходят из тайги,
то в три наката, в два обхвата
себе варганят пироги.

ГОРНАЯ СМОРОДИНА

Мечта художника — альпийские луга
среди вершин, озер и водопадов.
Подует ветер — и метет пурга
из лепестков заоблачного сада.

Играют солнцем на палитре тех лугов
и краска синяя,
и краска золотая.
И давят меньше
глыбы рюкзаков.
Но все равно
чего-то не хватает.

Здесь мало запахов.
Ведь в климате таком
не уцелеть ни бабочке,
ни шмелю.
И вдруг прозрачным,
тонким сквозняком
потянет от камней крутых
несмело.

А это горная смородина
цветы
своих кустов попрятала под скалы.
И столб невидимой,
но ясной красоты
стоит и от себя не отпускает.

Так иногда средь пестрой чепухи,
где отыскать поэзию нет шанса,
наткнешься вдруг на ясные стихи
и дышишь, дышишь,
и не надышаться.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Мы взяли перевал и разомлели.
И видно четко в обе стороны
и сложности,
что мы преодолели,
и прелести,
что мы достичь должны.

И прелесть в том,
что есть на свете память,
и все что ни случится на веку,
вновь можно пережить и переплавить
в простую, долговечную строку.

Но всем на свете угодишь едва ли,
и бес сомненья задает вопрос:
— На сколько долларов всего
насочиняли?
На крик души не падает ли спрос?

И что пристал на гребне
бес сомненья?
— Да там внизу любой юнец
с трех нот,
не прибегая к сложным вычислениям,
докажет всем, что вы, дружок,
банкрот.

И кулаком по ближней луже брызну!
Взлетят стекляшки синюю слюдой.
Да ну их на фиг
с их капитализмом,
доходом, имиджем
и прочей лабудой!

Покатим вниз.
Куда еще деваться?
Но только надо твердо понимать,
что у поэта есть одно богатство:
не продаваться.
И не продавать.

***

Провинция в себя погружена.
Блистают звезды чистые по лужам.
Провинция — сварливая жена,
покинутая ночью тихим мужем.

Он алконавт, художник-непротык,
он звездочет, такой-сякой, шалавый.
Он загребать, как люди, не привык.
И надо же — столкнулся вдруг со славой.

Так не бывает, но, поди, сбылось.
Так иногда везет провинциалам.
и место для покинутой нашлось
в его наследстве, ярком и немалом.

Она имеет право на него.
Есть документы — многие страницы.
Но с ней не выходило ничего,
а получилось (надо ж!) со столицей.

Она несет достойно жребий свой.
И признается всем чистосердечно:
«Да, что-то было у него с Москвой.
Теперь он мой.
Теперь уже навечно».

